

Ночь была тихой, лунный свет, пробиваясь сквозь узоры на бошаньлу, поднимал в воздух тонкую струйку благовонного дыма.

Чу Цзюань сидел на краю кушетки, опустив взгляд на того, кто, вцепившись в его руку, спал беспокойным сном. На душе было досадно.

В конце концов, сбежать не удалось. Рукав порвался, а потерявший сознание каким-то чудом умудрился мертвой хваткой вцепиться в его руку. Чу Цзюань почти начал сомневаться, действительно ли Се Чэньлу без чувств.

Хватка была железной: бледные ногти глубоко вонзились в плоть, оставляя кровавые следы. Чтобы освободиться, пришлось бы разве что отрубить себе руку.

Даже если бы он попытался вырваться, кусок кожи остался бы в пальцах. Чу Цзюань на мгновение задумался, как вдруг теплое тело придвинулось вплотную к его спине, лишая всякого пространства для маневра. Се Чэньлу не желал отпускать его ни на миг, хрипло шепча:

— Ваше Высочество, не бросай...

В сновидении Чу Цзюань пронзил его сердце рукой, превращенной в клинок, и единственное, о чем мог думать Се Чэньлу — лишь бы его не бросили. Те триста долгих лет были для него страшнее самой смерти.

Се Чэньлу уперся подбородком в плечо Чу Цзюаня, его зубы бессознательно дрожали, а объятия становились все крепче — совсем как у дикого зверя, вцепившегося в добычу.

Чу Цзюань нахмурился и дернулся, но стоило ему пошевелиться, как Се Чэньлу, испуганный, словно птица, раненная стрелой, тут же сжал руки еще сильнее, умолая:

— Нет, не надо...

Чу Цзюань открыл глаза. Яркая луна заливала комнату светом, отражаясь в его глазах, под которыми залегли темные тени от бессонной ночи, и на запястье, сплошь покрытом синяками от хватки Се Чэньлу.

— 003.

— Хозяин, я здесь! — 003 поспешно выбрался из системного пространства.

Се Чэньлу явно видел какой-то кошмар: дыхание за спиной было частым, лоб покрылся холодным потом, а тело само по себе дрожало, словно жизнь висела на волоске.

Чу Цзюань прикрыл глаза:

— Смени ему сон.

От 003 толку было мало, но хоть на это он годился.

Те триста лет... В первый год после свадьбы Чу Цзюаня и Се Чэньлу в южном пруду Кунь случился мятеж. Чу Цзюань лично повел войска на подавление, и чтобы поскорее вернуться к любимому, он шел напролом, сокрушая любого, кто вставал на пути. Он перебил весь Клан Земных Демонов, навлекая на себя гнев самых свирепых демонических орд. В разгар бегства он случайно оказался в Мире Демонов во время Праздника Тысячелетия.

Дерево Бодхи, исполняющее желания в Праздник Тысячелетия.

Легенда гласила, что это место, где соединяются судьбы. Если искренне помолиться у Дерева Бодхи, боги услышат и даруют вечную любовь с тем, кто дорог сердцу.

Преследуемый тысячами демонов, израненный Чу Цзюань остановился у дерева. Он собственноручно опустил в воду фонарь и вознес молитву. Истинный дракон, никогда не веривший в богов, просил лишь об одном — прожить всю жизнь с тем, кого он любит.

Ради этого он сломал три ребра и получил бесчисленное множество новых ран, а все преследовавшие его демоны стали лишь призраками под его мечом.

Истинный дракон, привыкший сражаться на полях битв и не умевший красиво говорить, вернувшись во дворец Бисяо, специально переоделся. Темные одежды скрыли его раны и дорожную пыль — он боялся, что любимый увидит и начнет волноваться.

Однако у Цинхэна случился приступ, и Се Чэньлу ухаживал за ним.

Во дворце Бисяо Се Чэньлу даже не нашел времени взглянуть на него, всю ночь подбирая противоядие для Цинхэна.

Красная нить, которую Чу Цзюань бережно сжимал всю дорогу, безжизненно упала на пол. Бифан, с опаской наблюдая за выражением лица Чу Цзюаня, слегка склонился:

— Доложить Нэйцзюню, что Ваше Высочество вернулось?

— Не нужно.

Чу Цзюань махнул рукой, останавливая его. Его рука, протянутая вперед, была бледной, лишенной всякого цвета — он выглядел не лучше Цинхэна.

Раз уж он пострадал так сильно, значит, такова судьба.

— Об этом не стоит беспокоить Нэйцзюня.

Он сжал ту самую красную нить и долго смотрел в окно на сосредоточенно работающего над лекарством Се Чэньлу, а когда небо окрасилось в цвет туши, молча ушел.

В ту ночь Праздника Тысячелетия звезды сияли, как днем. Израненный, он стоял в одиночестве под Деревом Бодхи, заложив руки за спину. Шумный праздник был ему чужд, фонарь одиноко плыл вдаль, и никто не знал, как сильно ему было больно.

Хуан И, поджав колено, сидел на дереве и наблюдал за ним. Помолчав, он спросил:

— Чу Цзюань, оно того стоит?

Фигура в черном плаще не выдавала эмоций, видна была лишь прямая спина, чья тень растянулась под лунным светом.

— В этом мире нет понятий стоит или не стоит, есть только то, на что готов пойти сам.

Он был готов, поэтому и проиграл в пух и прах.

Кровь медленно пропитывала темную ткань одежды, а вдалеке влюбленный ёкай, чье желание исполнилось, встал на цыпочки и коснулся поцелуем лба своего возлюбленного.

Желание Праздника Тысячелетия о долгой и счастливой жизни исполнилось у всех, кроме Чу Цзюаня, оставшегося в полном одиночестве.

Все страстные признания мира лишь подчеркивали его пустоту, пока в глубине дворца новобрачный Нэйцзюнь продолжал ухаживать за другим.

Теплая влага медленно просочилась сквозь ресницы. Долго пребывавший в беспамятстве наконец открыл глаза. За окном уже сгущались сумерки, день и ночь сменили друг друга. Чу Цзюань сидел рядом с книгой, а Туаньцзы, устроившись за столом, старательно выводил иероглифы.

— Очнулся?

Чу Цзюань едва опустил взгляд, как его обвили за шею. Се Чэньлу приложил немало усилий, чтобы не потерять самообладание, но горячие слезы все же не переставали течь.

— Ваше Высочество...

Раньше он относился к нему недостаточно хорошо.

— Я буду относиться к тебе хорошо...

Он возместит все, в чем был виноват, и впредь будет беречь его всем сердцем.

Он не смел представить, как больно было Его Высочеству, который с такой надеждой, с красной нитью и подарками проделал долгий путь, чтобы провести праздник с ним, но увидел, что он изводит себя заботой о другом мужчине. Он не смел и не мог об этом думать.

Чу Цзюань слабо обнял его в ответ, словно не понимая:

— Разве ты не относишься ко мне хорошо?

Он помолчал, а затем усмехнулся, прошептал Се Чэньлу прямо в ухо:

— Разве мы не образцовая пара небожителей?

Как он мог относиться к нему плохо?

Сколько бы красивых слов ни было сказано, сколько бы клятв ни было принесено, в этот миг Се Чэньлу не мог вымолвить ни слова — дыхание перехватило, словно горло сдавило невидимой рукой.

Он сам себе противоречил. Его Высочество был слишком проницателен, даже потеряв память, он легко видел его насквозь.

Се Чэньлу закрыл глаза и, дрожа, попытался поцеловать Чу Цзюаня, чтобы закончить этот разговор. Он запаниковал, но ничего не вышло: Чу Цзюань холодно отвернулся, позволив ему коснуться лишь своего холодного виска.

Неужели Его Высочество что-то понял? Неужели он больше не хочет, чтобы он приближался?

Се Чэньлу едва мог дышать, пока Чу Цзюань не похлопал его по спине и не кашлянул:

— Туаньцзы смотрит.

Он словно выбрался из ада. Оказалось, Его Высочество не отверг его, а просто вспомнил что-то свое.

Туаньцзы, заметив, что отец очнулся, тут же бросил кисть и подбежал, но, увидев, как всегда величественный отец так слабо и беспомощно льнет к отцу-папе, поспешно закрыл глаза руками. Однако любопытство взяло верх, и он украдкой подглядел — лицо отца покраснело!

Се Чэньлу не знал, радоваться ли спасению или страдать от гнетущего отчаяния.

Стоило солгать один раз, как приходилось выдумывать тысячи других, чтобы скрыть правду. Пути назад уже не было.

Тело Се Чэньлу сильно пострадало от обморожения. Как божество, он не должен был страдать от земных недугов, но гора Цюн была обителью небожителей, и холод, проникающий до костей, не щадил даже богов.

Пока Бифан и другие чиновники изо всех сил пытались лечить его обморожения, он неизвестно зачем снова отправился в путь, рискуя собой. После того как Чу Цзюань пришел в себя, его нрав стал спокойным и отстраненным, он оставался равнодушным ко всему, что касалось Се Чэньлу.

Се Чэньлу отсутствовал семь дней. Вернулся он в полдень, когда Чу Цзюань дремал у окна. Он ждал до тех пор, пока Чу Цзюань не проснулся и не обнаружил, что тот все это время простоял у окна.

В руках он держал потрепанный фонарь. Его длинные белые пальцы были покрыты ранами, из которых сочилась кровь от обморожения.

В Праздник Тысячелетия существует множество видов фонарей. Чу Цзюань, будучи сыном мира, выбрал самый дорогой, изготовленный тысячетным древесным духом — такой фонарь не гаснет тысячи лет.

Под Деревом Бодхи воды реки Забвения извиваются, уходя в бесконечность, а реки Мира Демонов переплетаются, и никто не знает, куда они текут.

Он обыскал каждую реку, лишь бы найти тот самый фонарь.

Окровавленными руками он поставил фонарь перед Чу Цзюанем. Под глазами Се Чэньлу залегли тени, он выглядел изможденным, но в его взгляде читалась странная, нежная одержимость.

Чу Цзюань некоторое время смотрел на него, прежде чем поднять голову и спросить:

— Что это?

— Фонарь, который ты опускал в воду, Ваше Высочество.

Голос его дрожал, напоминая то ли плач, то ли смех. Тонкими бледными пальцами он осторожно раскрыл лепестки фонаря, обнажая внутри давно погасший фитиль и прогнившую деревянную табличку.

На той табличке рукой Чу Цзюаня было старательно выведено: Желаю Чэньлу исполнения всех желаний.

Чтобы его Чэньлу получил все, что пожелает, и не знал больше печалей и тревог.

Се Чэньлу опустился перед ним на колени:

— Ваше Высочество, посмотрите.

Он самый любимый, самый дорогой человек во всех шести мирах. Даже если он не помнит, он докажет ему свою любовь.

Чу Цзюань взял табличку и долго разглядывал ее на ярком солнце, прежде чем опустить взгляд на того, кто припал к его коленям:

— Ну и что, Чэньлу, исполнились твои желания?

Так, как ты желал тогда? Так, как ты хотел?

Нет, все было иначе. Все было в корне неверно.

Се Чэньлу повторял это про себя снова и снова, но в его глазах появилось редкое спокойствие:

— Конечно. Я получил тебя, Ваше Высочество, разве этого мало?

Желание исполнилось. Даже если оно было не таким, как тогда, этого было достаточно.

Чу Цзюань отложил фонарь. В его голосе нельзя было разобрать ни радости, ни гнева:

— Тогда хорошо.

Во дворце Бисяо гулял прохладный ветер, от которого на душе становилось пусто. Се Чэньлу сжал руку Чу Цзюаня, подбирая слова:

— Ваше Высочество, через два дня праздник, я слышал, в клане демонов скоро Праздник Тысячелетия, там будет очень весело. Давай сходим вместе?

Он хотел возместить ему все долги, исправить все ошибки, отплатить в тысячу раз больше.

Туаньцзы скоро закончит занятия и прибежит просить сладостей. Чу Цзюань поднял глаза на дверь, словно услышав радостные шаги ребенка:

— Взять с собой Туаньцзы?

— Нет, только мы вдвоем.

Се Чэньлу прильнул губами к его запястью:

— Потом, потом мы возьмем Туаньцзы.

У них впереди будет еще много таких моментов.

<http://bllate.org/book/18619/1792536>